

Татьяна Шмелева
(Великий Новгород)

«МОСКВА, ЛЮБЛЮ ТЕБЯ БЕЗМЭРНО»: ВСПЫШКА ПАРОНОМАЗИИ В МЕДИАРЕЧИ

Известно, что стилистические приемы поэтической речи не заперты в ней намертво и могут заработать в других речевых сферах. В связи с этим хотелось бы проанализировать ряд фактов, которые убеждают в том, что осенью 2010 года в отечественной медиаречи наблюдалось столь интенсивное использование паронимазии, что можно говорить о ее вспышке, как говорят о вспышках заболеваний.

Но прежде чем представить обозначенное явление, надо сделать несколько предварительных замечаний.

Медиаречь, или медийная речь, или медиадискурс, понимается здесь максимально широко — это пространство обращения медиатекстов всех известных фактур — печатной, радиальной, телевизионной, компьютерной, — обеспечивающее массовую коммуникацию. Однако специфика рассматриваемых фактов такова, что следует ограничиться *графическими медиа*, то есть теми, которые предъявляют своему адресату написанный, или графический, текст — это печатные и интернет-издания, блогосфера, интернет-форумы. Медиаречь интересна для лингвистов потому, что в ней происходят важные для эпохи процессы в языке, высвечиваются существенные моменты речи.

Паронимазия, или паронимическая аттракция, понимается вслед за исследователями языка поэзии как намеренное сближение далеких по месту в системе слов на основе звуковой близости. Примеры можно

привести из текстов М. Цветаевой: *Любовь ли это или любованье?*; *Любовь, это значит лук Натянутый: лук: разлука; Поздно и порознь — вот наш брак!* [1, с. 215]. В исследованиях русской поэзии отмечено, что этот прием характерен в разной степени для разных поэтов и разных эпох, в какое-то время наблюдается «вспышка» или «взрыв паронимии» [2, с. 173, 175]. В учебных и справочных изданиях обращается внимание на то, что это явление можно обнаружить и в прозе, и в языке газет, в частности в газетных заголовках.

Стоит добавить в свете нашего сюжета, что использование этого приема тем эффективнее, чем дальше друг от друга стоят в нашем сознании сближаемые слова по смыслу. И второе: важно не только сближение, хотя оно и само по себе весьма ценится, а тот смысл, который «высекается» при таком сближении. Именно на это будет обращено основное внимание.

Событие, вызвавшее вспышку паронимии, относится не к культурной, а к политической жизни страны — это отставка мэра Москвы. Казалось бы, одно из кадровых решений — откуда такое внимание медиасообщества? Это становится понятным, если вспомнить, что, во-первых, мэр Москвы Ю.М. Лужков — фигура значительная и давно известная в политическом истеблишменте; во-вторых, его отставка сопровождалась слухами, их опровержениями, неожиданными поворотами и оглушительным финалом; в-третьих, ожидание преемника и его появление внесли свой драматизм в ситуацию и свою интригу. Все это, как представляется, вызывало повышенное внимание к сюжету и толкало авторов и редакторов к особо продуманной подаче материалов. Среди средств, обеспечивающих такую особую подачу, и оказалась паронимия.

С какими же словами оказалось сближено слово *мэр* и каких эффектов удавалось достичь таким образом?

Отвечая на этот вопрос, несколько слов стоит сказать о самом этом слове. Оно появилось в нашей номенклатуре государственных должностей в период перестройки с отказом от номенклатуры советской, что зафиксировано в словаре, отражающем эпоху [3, с. 124–125]. Его происхождение из французского языка не затемняло реальный источник появления — американская система государственных должностей, так же, как и *президент, спикер, сенатор*... Надо сказать, что привлекательным слово показалось не всем: его нетипичное для русского языка произношение (твердость М перед Э) и написание (Э пишется в редких словах, хотя твердый согласный — уже распространенное явление:

темп, бренд и т.п.) тормозили адаптацию. Ряд, в котором оно оказалось, — *мэр, сэр, нэр* — воспринимался как чуждый и недемократичный, что было хорошо слышно в 1993 году¹. Потом как-то все приутихло и стало привычным. Теперь во всяком городе есть мэр, даже если официально он именуется главой городской администрации. Следует отметить, что по отношению к Лужкову активно использовалось и слово с архаическим налетом *градоначальник* — не без иронии, конечно.

Слово *мэр* сразу попало в сферу повышенного внимания журналистов. Оно вошло в практику употребления вместе со словом *мэрия*, образовав небольшое корневое гнездо. Но ожидаемого прилагательного на *-ск(ий)* (ср. *президентский, спикерский, сенаторский*) в нем нет: оно оказалось практически омофоном (квазиомофоном?) прилагательного *мерзкий*, чем не преминули воспользоваться журналисты, и сочетания *мэрский пост, мэрское кресло, мэрские выборы* украшают страницы газет всех уровней — от федеральных до провинциальных городских. Об этом можно судить постольку, поскольку этот факт получает отражение в интернете: на запрос *мэрский* получаем 237 тысяч ответов со ссылками на медиа Москвы, Твери, Питера и других городов. Думаю, об этом можно было бы написать отдельную работу, во всяком случае, этот факт представляет интерес в свете идеи омонимического притяжения [5, с. 57–60].

Что касается персоны Лужкова, то в медиаречи были отработаны метонимические способы ее представления — прозвища *Кепка, Кепконосец, Метр с кепкой* зафиксированы не только в прессе, но и в словаре [6, с. 186].

Однако в интересующий нас период этих средств выразительности оказывается недостаточно², и на первый план выходит, как уже было сказано, паронимазия. Как же она реализуется, в какой из разновидностей, встречающихся в поэтической речи?

Слово *мэр* сближается со словами *мера* и *мир* — как будто бы обычная консонантная паронимазия [2, с. 176]. Но по реальному осуществлению она такая, которую называют *скрытой* [Там же, с. 212]: сближе-

¹ Из призыва полковника А. Макашова к захвату мэрии: «Чтобы никогда на русской земле не было ни мэров, ни пэров, ни херов» [4, с. 70].

² Хотя от них не отказываются: фильм, предшествовавший отставке и создававший ее предчувствие, назывался «Дело в кепке»; массированно эксплуатировалось прилагательное: см. названия статей в «Огоньке» — «Мэрское время», в «Невском времени» — «Судьба мэрского наследия» и т. д.

ние не явлено прямо в тексте, оно оказывается за кадром, читатель «вычисляет» его, наблюдая замену одного из элементов в воспроизводимой фразе. В другой интерпретации такой способ осуществления паронимазии относят к паронимическому каламбуру [7, с. 234].

Первое из этих сближений — *мэр/мера* — едва ли не очевидно и обыгрывается давно. В статье [8] приводится заголовок ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ МЭРЫ из «Литературной газеты» за 16 октября 1991 года! В 2010 году в «Собеседнике» использовали очень близкий заголовок — ПЕРВООЧЕРЕДНЫЕ МЭРЫ (19 октября), а в «Коммерсанте» — МЭРЫ ПРИНЯТЫ (2 октября). Эти заголовки включаются в аллюзивную игру с прецедентными текстами [9, с. 68–72] и отсылают к бюрократическим формулам, подчеркивая бюрократический характер событий.

Второе сближение — *мэр/мир* — сопровождается аллюзивной игрой с известными крылатыми выражениями.

Газета «Коммерсантъ» заголовком НИ МЭРА, НИ ВОЙНЫ (20 сентября) отсылает к формулировке Троцкого по поводу мирного договора с Германией в 1918 году, эксплуатируемой в заголовках современных газет типа «Тайвань: ни мира, ни войны» [10, с. 477; 11, с. 417–418]. Заголовок ТАК ПРОХОДИТ СЛАВА МЭРА (Русский Newsweek. 4–10 октября) — к фразе «Так проходит мирская слава» (*Sic transit gloria mundi*), которую произносят во время возведения в сан Папы Римского, сжигая перед ним кусок ткани в знак призрачности земного могущества [12, с. 727], а в качестве цитаты в переносном смысле употребляют, говоря «о падении чьей-либо былой славы, влияния и т.п.» [13, с. 393].

Журнал «Итоги» (№ 40) тоже прибегает к запасам латинских крылатых слов и использует заголовок ГОРОДУ И МЭРУ, прозрачно намекая на знаменитое выражение «Городу и миру» (*Urbi et orbi*) — «одну из формул благословения вновь избранного Папы римского, предназначенную подчеркнуть его мировое влияние» [13, с. 526; 12, с. 526; 11, с. 144¹].

Заголовок МЭРУ — МЭР (Московский комсомолец. 22 октября) напоминает об известном советском лозунге МИРУ — МИР, ставшем

---

¹ В последнем словаре, кстати, указывается, что этот заголовок уже использовался журналом в сентябре 1999 года для статьи о Дне города в Москве, однако тогда, как представляется, актуализировалась аналогия «Москва — Рим», в то время как в нашем случае «мир — мэр», а по смыслу «мэр — Папа». Оценить аллюзивность такого рода замен без общего контекста и ситуации невозможно.

широко известным с 1951 года в рамках борьбы за мир; он восходит к молитвенному возгласу «Мир мирови даруй» из «Великой ектении» в православной литургии [10, с. 577; 11, с. 345].

Во всех этих случаях мы имеем дело с заголовком-квазицитатой: воспроизводя часть известного речения, а значит, создавая аллюзию на описываемую ситуацию, заменяют один из компонентов на актуальное слово на основе паронимической аттракции. Надо сказать, это распространенный в современной медиасфере прием, он сводится к замене слова в составе высказывания, а основанием для замены оказывается паронимазия.

Второй случай работы с теми же паронимическими сближениями состоит в замене корнем *-мэр-* корней *-мер-* и *-мир-* в словах и получении таким образом новых слов, которые отсутствуют в языке и порождаются как окказиональные — именно и только для этого случая. Наиболее простой пример такого типа паронимической аттракции, которую можно назвать внутрисловной, представляет заголовок БЕЗМЭРНО в журнале «Итоги» (№40). Отметим, что хотя формально здесь корень *-мэр-* заменяет *-мер-*, на самом деле получаем слово со значением состояния из-за отсутствия мэра, ср. *безлюдно* — ‘состояние среды в отсутствие людей’.

Такого рода техника вторжения в структуру слова привлекает лингвистов и получает интерпретации с позиций стилистики — как фигура графон, словообразования — как графодериваты и синтаксиса — как нелинейный синтаксис. Не настаивая на последней интерпретации, подчеркну в контексте данной работы, что здесь осуществление паронимазии связано не с синтагматикой слова, а с его морфемной структурой — и попытками через ее преобразование (создание квазислова) выразить новые дополнительные смыслы. Для нашего случая достаточно определить этот прием как внутрисловную паронимазия. Следует при этом отметить, что нелинейный синтаксис может работать и безотносительно к паронимазии, например в заголовке статьи Виталия Портникова МОСКОВСКОЕ МЕЖДУМЭРИЕ (<http://grani.ru/opinion/portnikov/m.182650.html>). Слово *междумэрие* создано по аналогии с *междуцарствием*, то есть держится на установлении смысловой аналогии *мэр* — *царь*, можно сказать — смысловой аттракции; оно указывает на мэра, но помнит и о царстве. Таково свойство нелинейного синтаксиса.

Уже рассмотренное квазислово БЕЗМЭРНО может использоваться и как наречие: обсуждая затянувшееся назначение нового мэра, один из блогеров заключает: ДА, БЕЗМЭРНО ВСЕ УЖЕ УСТАЛИ

(<http://oleg-orlov.livejournal.com/335532.html>). При этом (что характерно для нелинейного синтаксиса) сохраняется смысл безмерности и добавляется указание на ее причину — мэра¹.

Более сложный случай применения внутрисловной паронимазии — когда она сочетается с аллюзивной игрой и включает смыслы, характерные для речения. Так, фраза МОСКВА, ЛЮБЛЮ ТЕБЯ БЕЗМЭРНО встречается в интернете многожды и как название серии анекдотов, и как самостоятельное высказывание. Видимо, ее следует отнести к интернет-фольклору.

С использованием внутрисловной паронимазии построен заголовок СЕМЬ РАЗ ОТМЭРЬ — в «Коммерсанте» и «Московском комсомольце» (2 и 8 октября) и в журнале «Итоги» (№40). Этот прием сопровождается аллюзивной игрой с русской поговоркой, чем и объясняется многократное предъявление заголовка; надо думать, его сочинили в разных изданиях независимо друг от друга.

К церемонии инаугурации в «Московском комсомольце» появилась статья БЛАГИЕ НАМЭРЕНИЯ, где публиковался список проблем, которые предстоит решить новому главе столицы (21 октября). Слово-сочетание явно отсылает к известному выражению «Благими намерениями вымощена дорога в ад» из английской речевой культуры — не хотели ли авторы списка сказать, что эти задачи не имеют решений?

Техникой внутрисловной паронимазии корней *мэр/мир* воспользовались «Известия» — УМЭРОТВОРЕНИЕ В СТОЛИЦЕ. Стройки закрывают, замов увольняют (30 сентября) и «Коммерсантъ» — МЭРОПОМАЗАННИК (22 октября).

Итак, за вспышку паронимазии принято появление в медиасфере с конца сентября до конца октября 2010 года приблизительно полутора десятков заголовков, построенных на основе паронимической аттракции с привлечением аллюзивного обыгрывания прецедентных текстов². Важно при этом отметить, что аллюзии часто отсылают к «верхним слоям атмосферы», как говорил Лужков о властях предрежащих, —

---

¹ Справедливости ради надо сказать, что это «наречие» используется и в других городах: «БезмЭрно счастливый Обнинск» (URL: <http://obninsk.name/forum/viewtopic.php?p=11#top> (дата обращения: 08.02.2005)); «БезМЭРно актуально» (информация из Бишкека. URL: <http://www.msn.kg/ru/news/21108/> (дата обращения: 11.12.2007)).

² Очевидно, что об исчерпанности материала не может быть речи, это буквально то, что «попало под руку». Студенты-журналисты, получив задание найти паронимические заголовки, приносили и другие не менее интересные.

ситуациям избрания Папы, установления мира, миропомазания... Понятно, что отсылки к «высочайшему» создают *эффект иронии*, без которой невозможно сравнивать принятие должности мэра как восхождение на царский трон или папскую кафедру.

Если попытаться увидеть в рассмотренных фактах то, что отличает медийные паронимические вспышки от поэтических, надо сказать следующее.

Во-первых, в них попадают ключевые слова текущего момента, в нашем случае это было наименование должности *мэр* и две фамилии. Например, шутка о том, что теперь надо Лужники переименовать в Собяники, в которой старый московский топоним Лужники паронимически соотносится с фамилией экс-мэра и сооружается аналогичное образование от фамилии нового мэра. В поэтических же текстах выбор слов для аттракции зависит от индивидуально-авторских особенностей, поэтического идиостиля. Ситуация смены мэра в Москве вызвала к жизни рождение паронимического гнезда *мэр — мера — мир*, которое, возможно, больше никогда не будет востребовано; ср. рассуждения о поэтических паронимических гнездах [2, с. 245–258].

Во-вторых, в медийных текстах используется преимущественно скрытая паронимическая аттракция, она служит основой как для построения квазицитатных заголовков, так и окказиональных образований в разных частях речи. Это свидетельствует о том, что игра идет на больших глубинах культурно-языкового восприятия. Для самой паронимазии это означает, что, устанавливая близость «слово — слово», она на самом деле «метит» в высказывание. Подключение к этому нелинейного синтаксиса усиливает интерес к нему лингвистов.

В-третьих, как можно было заметить, практически все рассмотренные случаи использования паронимазии — заголовки. Это указывает на то, что медийная паронимазия локализуется в паратексте, тогда как поэтическая — главным образом в стихотворном тексте. При этом заголовки как важнейший элемент паратекста не обязательно «отзовется» в тексте, он живет своей жизнью и выполняет свои задачи.

Анализ других паронимических вспышек в медиасфере, возможно, даст возможность сделать и другие выводы.

Список литературы

1. Северская О. И. Паронимическая аттракция в поэтическом языке М. Цветаевой // Проблемы структурной лингвистики 1984. М., 1988.
2. Кожевникова Н. А. Звуковая организация стиха. Паронимическая аттракция // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста. М., 1990.

3. Максимов В. И. и др. Словарь перестройки. СПб., 1992.
4. Какорина Е. В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
5. Ермакова О. П. Семантические процессы // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М., 2008.
6. Моченов А. В., Никулин С. С., Ниясов А. Г. и др. Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов. М., 2003.
7. Сковородников А. П. Парономазия // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.
8. Сковородников А. П. Каламбур // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.
9. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте: монография. Екатеринбург, 2008.
10. Душенко К. Словарь современных цитат: 5200 цитат и выражений XX и XXI вв., их источники, авторы, датировка. М., 2006.
11. Князев Ю. П. Словарь живых крылатых выражений русского языка. М., 2010.
12. Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов. М., 1982.
13. Бабкин А. М., Шендецов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов. К–Z. Л., 1987.

ЗНАКИ ИСТОРИИ

...историческая реконструкция Ледового побоища, основывающаяся на верифицируемых данных, позволяет с полной уверенностью говорить о том, что Александр в 1242 году не мог нанести Тевтонскому ордену сколько-нибудь серьезный урон, а Ледовое побоище не может сравниться с Грюнвальдской битвой ни по масштабам, ни по результатам.

И. Данилевский

Рассказывая в биографических записках «Былое и думы» о своем отце и круге его общения, А. И. Герцен вспоминал, что «к этому кругу принадлежал в Москве на первом плане блестящий умом и богатством русский вельможа, европейский большой барин и татарский князь, Н. Б. Юсупов».

М. Яковлева

Русско-германские отношения на протяжении многих веков определяли европейскую и мировую политику, в разное время Россия и Германия были партнерами и соперниками, союзниками и военными противниками. На рубеже XIX—XX веков в русско-немецкие отношения вмешался экономический фактор.

И. Максимов